

Мария Якунина

Восьмёрка

РОДИТЕЛЕЙ ВЫБИРАЮТ!

Повесть «Восьмёрка»
1-е место премии
«Книгуру»-2020

Повесть «Дорогая Рита»
2-е место премии
«Книгуру»-2021

Дорогая Рита

Мария Руслановна Якунина
Восьмёрка. Дорогая Рита
Серия «Одобрено
Рунетом. Подарочное»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67825374

*Восьмёрка. Дорогая Рита:
ISBN 978-5-17-148806-2*

Аннотация

«Восьмёрка»: Родителей выбирают! Только вот, оказывается, просто выбрать маму и папу недостаточно. Девочка по прозвищу Восьмёрка, вместе с другими ребятами ожидающая Появления, сталкивается со всеми сложностями, которые могут возникнуть на пути домой. Ни Рождение в выбранной семье (в которой уже успела появиться другая девочка), ни открывшиеся тайны взрослой земной жизни не могут изменить твердое решение бороться за своих родителей... Но как и с кем бороться, если все идет не так и тебе грозит Распределение, после которого остается только смириться с чьим-то решением и Родиться у совершенно других людей?

«Дорогая Рита»: Рита, старшая сестра Саши, лежит в реанимации. Саша вспоминает их последнюю ссору и мучается – не только потому, что наговорила сестре лишнего, но и потому, что узнала от нее тайну, которую в семье тщательно оберегали.

Содержание

Восьмерка	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	53
Глава 13	56
Глава 14	62
Глава 15	64
Глава 16	68
Глава 17	72
Глава 18	75
Глава 19	78
Глава 20	83
Глава 21	87
Глава 22	89

Мария Якунина

Восьмёрка. Дорогая Рита

© Мария Якунина, текст, 2022

© Александр Якунин, иллюстрации, обложка, 2022

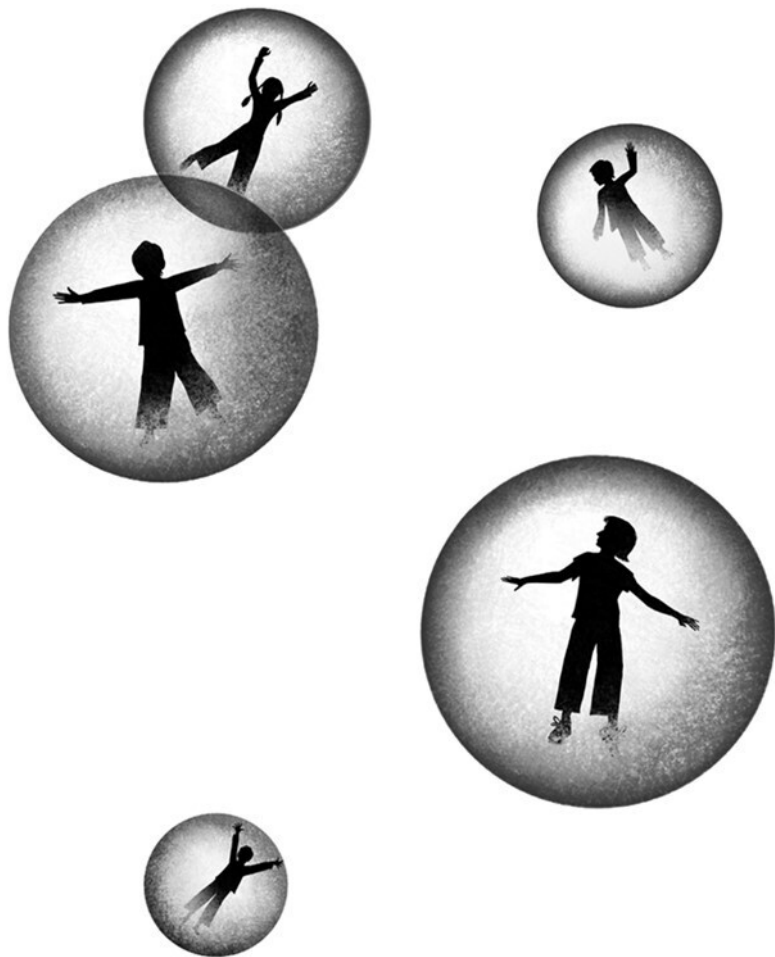
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Родителям, Нике и Олегу – я рада, что вас
выбрала.*

Сыну – надеюсь, ты рад, что нас выбрал.

*Татьяне Карповне Черной и всем моим
Смотрителям с благодарностью и любовью*

Восьмерка

Глава 1

Первый раз я не Появилась одиннадцатого января.

Когда число выбирали, этот наш дедулечка, Старший по датам, сразу сказал: «Хорошо, как Лермонтов Родишься».

А мои родители одиннадцатого поссорились. Всё с Нового года что-то выясняли, выясняли, а тут прямо с утра мама возьми и заяви: «Мне нужно подумать». А папа молчит. Я ему кричу через свой экранчик:

– Пап, ну ты что! Ты же постоянно в ноутбук тарачишься! В этом твоём Интернете на каждом углу кричат, что нельзя женщине давать думать. Мама собралась и ушла. Чего доброго, к бабушке пойдет. Я бабулю люблю, конечно, но она как губы подожмет – мол, я же тебе говорила...

Вчера Настя, эта дура из соседней капсулы, Появилась. Мы с ней как-то разговорились, я ей и рассказала, что буду новое лекарство изобретать. Так она мне заявляет: «Мои в отпуск на моря поехали. Чувствую, пока ты Родишься, я твоё лекарство уже запатентую». И язык показывает. Сейчас уже, наверное, мамин голос слушает.

На лекциях я многое мимо ушей пропускала, но тут прямо в голове начал жужжать голос одной из Старших: «После двух неудачных попыток Появления вы отправляетесь на Распределение».

Мам-пап, не надо, а? Видела я этих распределенцев...

Глава 2

Сегодня пошла выбирать новую дату.

С утра включила экранчик для вдохновения. Вдохновляться, правда, особо нечем. Мама вчера пришла поздно и весь вечер с папой не разговаривала. Ходила по дому и демонстративно напевала что-то. Папа упрямо смотрел в ноутбук. Я тоже заглянула – что такого интересного? «Футбольное обозрение»... Не понимаю, что там можно обозревать. Он и футбол-то никогда не смотрит. Потом мама накрыла на стол, и они так же молча поужинали.

Сегодня ничуть не лучше. Папа за завтраком буркнул:

– Что, так и будем молчать?

А мама ему очень весело из кухни:

– Молчи, скрывайся и тай и чувства, и мечты свои.

Я не поленилась, полезла в наше Хранилище, почитала. Сомнительная жизненная концепция, особенно учитывающая биографию этого Тютчева. Попробовала разобраться в его женах и детях – запуталась (ну и имена у них там, кстати, были – Эрнестина, Элеонора, Гортензия – Лизке расскажу, обхохочемся. Нам тут пока хорошо, сами себе имена выбираем, а вот когда родимся, как обзовут нас какими-нибудь Мирабеллами, и красней потом всю жизнь). Пока я про этого поэта с двадцатью женами читала, мои стали в таком же молчании на работу собираться.

Ну и ладно. Без них обойдусь. Вот сейчас пойду и выберу самую правильную дату. И никуда они уже не денутся. По-хорошему, надо бы к Лизке зайти, посоветоваться. Она ж у нас жутко умная. Все лекции по выбору родителей слушала внимательно, все записывала, отмечала. С личными архивами целый месяц сидела. Все что-то сравнивала, высчитывала. А я как своих увидела на экранчике, так сразу и заорала: «Вот эти!» Тетенька с Распределения на меня очень недовольно посмотрела и говорит так строго:

– Попрошу вас говорить тише и вести себя спокойней.

Я вспомнила, что нам на уроках по этикету общения говорили (ну, точнее, мне Лизка потом пересказывала, на самом уроке я под партой про пингвинов читала – случайно попалась ячейка в Хранилище, не оторвешься. Родителям бы тоже не мешало почитать, как друг к другу надо относиться).

Постаралась сделать такое же лицо, как у ангелочков на рождественских открытках, которые накануне в Хранилище рассматривала. И говорю, как Лизка, тихим, смиренным голосом:

– Прошу прощения. Давайте продолжим.

Но я-то имела в виду – продолжим этих родителей смотреть, а она возьми и перелистни на следующее изображение. Я перепугалась, что мы их сейчас потеряем, и опять как заору:

– Нет, нет, не этих! Вон тех верните!

Она тогда вздохнула и что-то у себя на экране посмотрела.

Потом так грустно на меня взглянула и говорит:

– Хотите ознакомиться с личным делом? Могу предоставить в распоряжение на сутки.

А я ни с каким личным делом знакомиться не хотела. Что там читать? И так ведь понятно, что вот эти – самые лучшие. Я когда увидела, как они идут по улице, обнявшись, сразу поняла, что только меня им и не хватает.

Но тетенька почему-то еще раз очень тяжело вздохнула и поставила галочку в своем журнале.

– Всё, – говорит, – идите.

Я спрашиваю:

– Как это, идите? Я без этих родителей никуда не пойду!

Выдайте мне на них разрешение.

Она уже не сердилась совсем, даже улыбнулась.

– Разрешение будет выписано в течение дня. Ожидайте появления специального приложения на вашем экране. В случае принятия решения об отказе от заявки...

Но я ее не стала дослушивать. Крикнула «спасибо» и со всех ног помчалась в капсулу. Весь день просидела у себя, даже к Лизе не ходила и в Хранилище ничего не смотрела. Все ждала, когда появится приложение, экран из рук не выпускала. Волновалась ужасно – вдруг тетенька что-то перепутала? Вдруг мою заявку потеряли. Или еще хуже – не одобрили.

Но тут экранчик замигал голубоватым светом, и под кнопками «Хранилище» и «Помощь» появилась еще одна, с кра-

сивой витой рамочкой. У меня так дрожали руки, что я никак не могла на нее нажать. А когда наконец попала по кнопке «Родители», мне вдруг сразу стало легко и хорошо, потому что я увидела, как мама с папой сидят на диване и смотрят какой-то фильм. В комнате было темно, только маленькая уютная лампа в виде изогнутого фонаря горела на столе. И лица у них в свете этой лампы были такие...

В общем, я, наконец, поняла, что такое счастье. А то в Хранилище об этом написано как-то непонятно.

Глава 3

По дороге в Центральное Управление все-таки решила зайти к Лизе. Наверное, на самом деле я очень боялась снова идти к доброму дедушке. Один раз уже не получилось, а три шанса дают только в сказках, которые нас заставляли читать на занятиях «для формирования общеантропологического представления».

Не знаю, у меня ни обще, ни конкретно, никакого антропологического представления не сложилось. За исключением того, что не стоит разговаривать со старушками, обитающими в избах на курьих ножках. А Лизка говорит, что я просто несознательно подошла к освоению материала.

В общем, к Лизе я шла не в самом лучшем настроении. Чтобы хоть немножко развеяться, решила пойти длинной дорогой – мимо капсул с Появившимися. И хотя нас оттуда гонял Смотритель – дядечка со строгим голосом и очень добрыми глазами, я все-таки часто пробиралась к капсулам и подолгу смотрела на тех, кто скоро должен был Родиться. Они безмятежно болтались в невесомости с закрытыми глазами и почти все время улыбались.

Я переходила от одной капсулы к другой и с завистью разглядывала Появившихся, мягко покачивающихся в воздухе. Многие попали в наше Управление позже меня. И вот, пожалуй, дату выбрали верно и уже через несколько месяцев

Родятся в своих семьях. Конечно, мне не очень нравилось, что как только ты Появляешься, начисто забываешь все, что успел усвоить из Хранилища. Как-то я спросила у преподавательницы по тем самым «Основам антропологии», зачем нам вообще дали доступ к Хранилищу, если мы забудем все-все, что было от Появления до Рождения. Она, как всегда, ответила загадочно:

– Чем больше успеете усвоить, тем лучше потом будет вспоминаться. Иначе станете теми, про кого говорят: «Не знал да еще и забыл».

Лизка немедленно это себе куда-то записала, а я только плечами пожала – сплошные тайны.

Девочка Женя – самая тихая и грустная из нашей группы – Появилась совсем недавно. Она была очень красивая и напоминала девушек с картин любимого Лизкиного художника (то ли Моне, то ли Мане – я вообще в них не разбираюсь. Когда пыталась объяснить Лизке, кого имею в виду, вообще сказала «Мунк», и она почему-то долго улыбалась этой своей выводящей из себя всезнающей улыбкой).

В отличие от мальчика из соседней капсулы, который весело подлетал в своем стеклянном домике, Женька и сейчас казалась печальной. Она постоянно поворачивалась с боку на бок, как будто ей было очень неудобно. А потом произошло что-то странное: Женька сильно дернулась, резко села в своей капсуле, открыла глаза и посмотрела прямо на меня. Ее лицо перекосилось от ужаса, и было похоже, что она

хочет кричать. Может, она и кричала, но сквозь толстую стенку капсулы ничего не было слышно. Женька все смотрела и смотрела на меня, а потом ее стало подбрасывать вверх, и она несколько раз ударилась о потолок, а потом об стены. Я хотела позвать кого-нибудь на помощь, но тут вся Женькина капсула замигала красным светом. И через несколько секунд к ней уже бежали Смотритель и незнакомая женщина с туго собранными на затылке волосами и маленьким чемоданчиком в руках. Она на ходу выхватила из него молоточек с заостренным концом и с размаху ударила по стенке капсулы. Я хотела помочь ей достать Женьку, которая уже перестала биться об стенки и неподвижно лежала на дне капсулы, но Смотритель схватил меня за руку и потащил из Сада.

Но я стояла на выходе и не могла пошевелиться. Все еще видела Женькино лицо с широко открытыми глазами и как она судорожно открывает рот.

Смотритель, казалось, забыл про меня. Он повернулся лицом к Саду, где среди деревьев виднелась фигура женщины, присевшей у разбитой Женькиной капсулы, и мрачно пробормотал:

– Отказались, сволочи. Отказались от такой девчонки...

Я совсем ничего не понимала, кроме того, что с Женькой сделали что-то очень плохое, и спросила срывающимся голосом:

– Как отказались? И кто такие сволочи?

Смотритель опомнился и снова посмотрел на меня – уже

не сердито, но очень устало.

– Тебе это знать не нужно. И приходить сюда тоже не нужно. Каждому – свое время. Вот как будешь к Рождению готовиться, тогда добро пожаловать. Ступай.

И он нехотя двинулся вглубь Сада. Все это мне совсем не понравилось, и я снова побежала за ним:

– Дядь Смотритель, не уходите, пожалуйста! Я помочь хочу! А что теперь с Женей будет? И почему это все случилось?

У него снова стали добрые-предобрые глаза, он меня даже потрепал по голове:

– Ты славная девочка. Но сейчас ничем не сможешь. Ступай и постарайся никому не рассказывать, что здесь видела.

Глава 4

Конечно, я уже не пошла ни к Лизе, ни в Управление. Мне хотелось хоть что-нибудь сделать, чтобы понять, что случилось с Женькой. На занятиях нам все время твердили, что время от Появления до Рождения для нас самое спокойное: плавай себе в капсуле, спи целыми днями да прислушивайся к маминому голосу, как он звучит – не через экран, а совсем рядом.

Вот тебе и «спокойное». Бедная Женька.

Но больше всего меня беспокоило слово «отказались». Кто отказался? Ясно, что не родители. Какие же родители откажутся от своего ребенка. А кто тогда эти загадочные сволочи?

Полезла в Хранилище. Так, смотрим. Ячейка «сволочь»:

1. *Собир.* подлые люди; сброд, подонки.

2. *Разг. – сниж.* скверный, дрянной, подлый человек; негодяй, мерзавец.

3. *Собир.* существа (*насекомые, животные и т. п.*) или предметы.

Про негодяев и мерзавцев и так было понятно – разве кто-то хороший стал бы так с Женькой поступать? А зачем это животным и насекомым – совсем неясно.

В общем, без Лизы здесь не разберешься. А разобраться надо! Это что же получается: ты родителей выбрал, они тебя

ждут, и тут – раз! – какая-то сволочь по своей прихоти тебя вернет?

Конечно, дядь Смотритель меня просил никому не рассказывать. Но Лизка ведь не никто!

В этот раз я пошла прямой дорогой, очень не хотела встретить Женьку. Как с ней после всего этого разговаривать? Но даже в районе Управления было пусто. Вспомнила, что так и не зашла дату назначить. Ну, теперь уже завтра, сначала надо выяснить, как с этими сволочами бороться.

Глава 5

Лизка, как всегда, читала.

Когда я зашла, она быстро перевернула экран и накрыла его сверху листами бумаги.

Я остановилась на пороге и сказала торжественным шепотом:

– Лизка, поклянись, что никому не расскажешь.

Она посмотрела на меня подозрительно:

– Что ты опять натворила?

Я возмутилась:

– Что значит «опять»?

Но всегда спокойная Лиза сегодня явно была не в духе:

– То и значит. Надо выбором родителей заниматься, дату устанавливать, а ты вечно непонятно чем занята. Ты даже имя себе выбрать не можешь.

Это было правдой, но прозвучало все равно обидно. Поначалу я не хотела выбирать имя, потому что не собиралась здесь надолго задерживаться (я вообще не понимала Лизку, которая давно выбрала родителей, но дату не назначала, все чего-то ждала. «Они еще не готовы», – отвечала она коротко и возвращалась к своим графикам и конспектам). Когда выяснилось, что, пока не пройдешь полный курс обучения, выбирать родителей все равно никто не разрешит, я, конечно, пыталась придумать себе имя, но ничего не вышло: перело-

патила всю ячейку «Список имен», присмотрела несколько, но выбрать между ними никак не могла. Лизка так устала от бесконечной смены вариантов, что однажды просто посчитала, под каким номером от начала ряда находится моя ячейка, и стала звать меня Восьмёркой. Мне это совсем не нравилось, но правильное имя все не находилось, и я постепенно смирилась с Лизкиным прозвищем, жутко завидуя тем, кто выбрал имя легко и быстро. Но сейчас мне было даже не до постоянных споров об имени.

– Лиза, – снова сказала я очень торжественно, подражая ее манере разговаривать, – хотя мне очень обидно слышать от тебя эти в высшей степени несправедливые слова, я забуду все, что ты мне тут наговорила, потому что пришла к тебе по важному делу.

Чтобы произвести на нее еще большее впечатление, я посмотрела по сторонам и наконец сказала громким шепотом:

– Негодяи и подлые люди вернули нашу Женьку.

И поскольку Лиза продолжала молча смотреть на меня, я решила, что нужно еще чем-то ее впечатлить и добавила:

– Возможно, к этому причастны животные.

Лиза молчала.

– И насекомые, – добавила я уже менее уверенно, потому что увидела, как Лиза побледнела.

Она вскочила и дернула рычажок, чтобы створки капсулы плотно закрылись – в отличие от капсул Появившихся, стены наших жилищ были непрозрачными, и теперь нас никто не

мог увидеть.

– Повтори еще раз, что ты сказала.

И я рассказала Лизке все, что увидела в Саду Появившихся. И про Смотрителя, и про отказавшихся сволочей. Лизка села прямо на пол капсулы и закрыла лицо руками:

– Вернули, – прошептала она. – Отказались. Так я и знала. Бедная Женя так этого боялась.

– Чего боялась? Кто вернул? Лизка, расскажи толком! Ничего не понимаю!

Она поднялась с пола и посмотрела на меня сурово.

– Я тебе расскажу, но если ты когда-нибудь кому-нибудь что-нибудь...

Я нетерпеливо ее перебила нашей главной клятвой:

– Никогда никому ничего! Рассказывай!

Лизка для верности еще раз дернула рычажок и, только убедившись, что створки сомкнуты плотно, достала экран из-под груды листов.

– Помнишь, в нашей группе Слава учился? Очень компьютерами интересовался, все что можно в Хранилище об этом перечитал... Ты же знаешь, что у нас не ко всему Хранилищу доступ есть. И что родители говорят – нам не всё показывают. А Слава способ нашел, как через экран все запреты обойти. Правда, у него дата Появления была назначена, поэтому мы только ячейки буквы «А» успели открыть и несколько раз на своих родителей в неположенное время посмотреть. Женька тоже один раз с нами была. Она услыша-

ла, как мама по телефону с подругой говорила и очень часто одно слово повторяла...

Я не выдержала:

– То есть вы с Женькой и Славой без меня собирались? И ты мне даже ничего не рассказала? Какая же ты подруга после этого?

Но тут Лиза откопала свой экранчик из-под груды листов, полистала там что-то и протянула его мне. Наверху мигала надпись: «Доступ к информации разрешен», а внизу, под надписью...

Я не отрываясь смотрела на картинки, возникающие на экране, пока Лиза не отобрала его у меня.

– Ну всё, хватит. – Она сердито тряхнула головой. – Я вообще не хотела, чтобы ты это видела.

И мне вдруг стало ужасно стыдно за то, какой важный вид я напустила на себя. И за то, что пять минут назад злилась, что Лиза Женьку, а не меня посвятила в свою тайну.

А еще мне очень захотелось домой, в свою капсулу, включить экранчик и увидеть не беспомощный Женькин взгляд, не кошмарные картинки из Хранилища, а лица моих родителей, которые никогда никому ничего такого не сделают.

– Никогда никому ничего! – строго напомнила мне Лиза, и я только кивнула, выходя из капсулы.

Я издалека увидела, что в Саду Появившихся на месте Женькиной капсулы пусто. Только одинокая фигура Смотрителя маячила неподалеку.

Он ходил туда-сюда по дорожке и, наверное, думал о том же, о чем и я: Женька в этот Сад больше никогда не вернется.

Глава 6

Ночью думала обо всем вчерашнем. И к утру приняла решение больше не думать. Потому что если допустить хоть на минуточку, что мои родители тоже... то вообще ни в чем нет никакого смысла.

Но одна мысль все-таки в голову пробралась и думалась там всю дорогу до Управления: а как же со всеми этими теперь разговаривать? Ведь они же, получается, знают, раз от нас в Хранилище все это спрятали? Знают и все равно нас отправляют без предупреждения.

Или я опять что-то важное на лекциях пропустила? Теперь мне уже не казалось, что выбрать дату – такое простое дело. Хотелось найти нужные лекции и почитать, что нам на них говорили. Может, мне и не стоит прямо сегодня решать. Но ноги сами вели в Управление. Было страшно, но сидеть одной в капсуле казалось еще страшнее.

Перед Кабинетом по выбору дат с утра очереди почти не было. Только незнакомый мальчик равнодушно водил по своему экрану пальцем. Мне не хотелось ни с кем разговаривать, и я уселась на другую скамейку. Щелкнула по экрану. Родители с вечера были какие-то странные – тихие и молчаливые. Только не такие молчаливые, как все последние дни, а чем-то взволнованные. Не знаю, что там у них произошло, пока меня не было, но сегодня утром папа первым делом по-

целовал маму, когда вышел на кухню. Давно я такого не видела! Смотрела бы и смотрела, как они мирно завтракают и улыбаются друг другу, случайно столкнувшись в дверях. Сейчас они даже напоминали самих себя в первые дни моего знакомства с ними – мама тогда жутко натерла ногу новыми туфлями, и папа целых четыре этажа тащил ее по лестнице. И они потом весь вечер смеялись, обсуждая это событие, пили свой любимый имбирный чай (мне уже очень хочется попробовать, какой же он на вкус), а я как будто сидела вместе с ними на кухне, пока на экранчике не появилась эта дурацкая надпись: «Сеанс завершен». Ненавижу этот момент – как будто родителей у тебя взяли и забрали просто так.

Вот и сейчас экран замигал, и появилась надпись: «Запрос информации отклонен». Надпись была какая-то новая, но с этим можно и потом разобраться. Главное я уже увидела.

Лиза бы сказала, что все это подозрительно, но я думаю, это в любом случае хороший знак – значит, самое время выбрать новую дату. И хотя сегодня я опять не понимала, почему бы не назначить свое Появление на самое ближайшее время, после предыдущей неудачи и вчерашних событий мне было как-то не по себе.

Дверь открылась, из нее выскочила рыжая веснушчатая девчонка.

– Сегодня! – радостно закричала она и поскакала по лестнице, перепрыгивая через ступени так, что рыжие косички подлетали вверх.

Мальчик, сидевший напротив двери, кивнул ей и продолжил лениво перелистывать что-то на своем экране. Я не держала:

– Там нет никого. Ты идешь?

Он посмотрел на открытую дверь, потом на меня и пожал плечами:

– Хочешь, иди. Мне все равно.

Я не очень хотела, но глупо было сидеть, раз уж пришла. Добрый дедушка и в этот раз принял меня очень приветливо. Он приложил считывающее устройство к моему экрану и улыбнулся.

– Ну что, второго Лермонтова не получилось? – и добавил уже грустно: – Может, оно и к лучшему.

Потом полистал что-то и нахмурился:

– Так, юная леди, а вы ко мне по какому вопросу?

Я растерялась:

– Новую дату выбирать.

Он еще раз посмотрел на свой экран.

– Не вижу активной заявки. Прежде чем выбрать дату, нужно выбрать родителей.

– Как это не видите? Я же уже выбрала родителей, просто первая дата оказалась неправильной!

Дедушка повернул ко мне экранчик, на котором горели надписи: «Поданных заявок – 0», «Одобренных заявок – 0», «Реализованных заявок – 0». Потом что-то сообразил и взглянул на меня внимательно:

– А дата-то еще позавчера не сработала! Заявку ходила продлевать?

Я окончательно растерялась:

– Как это – продлевать? Я об этом не знаю ничего.

Он улыбнулся:

– Ворбн на лекции по алгоритму подачи заявки считала?

Я уже совсем ничего не понимала:

– Каких ворон? Они у нас не водятся!

Дедушка рассмеялся:

– А раз не водятся, то и считать не надо. Если дата Появления не была реализована, нужно в течение суток подтвердить заявку, а иначе она аннулируется.

Я почувствовала, как в носу у меня подозрительно защипало:

– Значит, моих родителей у меня больше не будет?

Он потрепал меня по голове, совсем как Смотритель вчера:

– Отставить панику! Беги в Управление к Старшей по выбору и попроси возобновить заявку.

Я побежала было к двери. Но в последнее время я сделала столько ошибок из-за своей торопливости (как говорит Лизка, «поспешешь – людей насмешишь»). И почему она вечно права?!), что решила остановиться:

– Дедушка Старший по датам! А мне точно-преточно разрешат моих родителей выбрать?

– Точно-преточно! – засмеялся он. – Возобновляй заявку

и прибегай. Будем тебе другого поэта выбирать, посчастливей.

Глава 7

А вот в Отделе Выбора народу, как назло, было много. Как будто всем приспичило именно сегодня родителей выбирать.

Я принялась ходить туда-сюда по небольшой лесенке, ведущей в коридор. Ступенек было всего пять, и на каждой я ругала себя каким-нибудь обидным словом. Как можно быть такой недотепой, кулемой, курицей, растяпой, дурочкой? Выходит, Лизка была сто раз права. Если бы я хоть одну лекцию послушала внимательно... Конечно, Дедушка сказал мне, что все будет хорошо, но за последние два дня уже столько всего произошло... Мало ли какую важную информацию я еще прошляпила.

Я остановилась в пролете у окошка и достала экранчик, чтобы посмотреть на родителей и немножко успокоиться.

«Запрос информации отклонен».

Дурочка!

Растяпа!

Курица!

Кулема!

Недотепа!

Конечно, отклонен! Раз нет заявки, то и родителей мне никто не покажет. Я почувствовала себя совсем несчастной, и слезы, которые начали подступать к глазам в Кабинете

по датам, сейчас настойчиво просились наружу. Ну уж нет. Нечего себя жалеть. Я решительно вытерла глаза и направилась к кабинету. Передо мной оставалось человек пять. И пока они ужасно долго выбирали родителей... Но тут я заставила себя остановиться. Не «ужасно долго», а правильно. Обдуманно. И, как любит говорить Лизка, с чувством, с толком, с расстановкой. А я, кажется, только сейчас поняла, что это значит.

Наконец передо мной не осталось ни одного человека. Лампочка над входом моргнула зеленым, и я вошла. В этот раз строгой женщине не пришлось делать мне замечаний. Я села на стул и произнесла медленно и отчетливо, стараясь как можно точнее донести просьбу, отрепетированную перед дверью:

– Добрый день! Я подала заявку на родителей и выбрала дату Появления. В назначенный день Появления не произошло. К сожалению, я не продлила заявку в течение суток. Прошу возобновить эту же заявку для установления новой даты.

Старшая посмотрела на меня с одобрением и немного удивленно (мне показалось, что она запомнила мое прошлое «выступление», а может, я слишком много о себе думаю).

Второй раз за день пискнуло устройство, считывающее персональную информацию с моего экрана. Раньше я вообще не обращала внимания на этот звук, а теперь он вызывал у меня смутную тревогу. И тревога эта все росла по мере то-

го, как менялся взгляд Старшей.

Она удивленно вскинула брови, затем нахмурилась, еще раз приложила прибор к экрану и, наконец, покачала головой, глядя на свой экран.

– Первый раз такое вижу. Ваша заявка была аннулирована сегодня утром. И в течение часа поступила новая заявка на этих же родителей. И, – она запнулась, – насколько я вижу, даже дата Появления уже назначена на ближайшие сутки.

В любой другой день я бы, наверное, вскочила, начала кричать, размахивать руками, что-то требовать и доказывать, но сегодня все было совсем по-другому. И внутри меня происходило что-то новое. Что именно – я не могла разобрать хорошенько, но понимала, что воплями здесь не поможешь. Поэтому просто сидела на стуле и смотрела на Старшую. Но, наверное, что-то с моим лицом было не в порядке, потому что она вдруг встревожилась:

– С вами все хорошо?

Я наконец обрела дар речи и спросила совсем чужим голосом:

– Значит, этих родителей у меня уже не будет?

Старшая продолжала смотреть обеспокоенно:

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Сейчас посмотрим, что мы можем для вас сделать. В некоторых случаях возможна подача заявки на совместное Появление и Рождение.

И пока она проверяла маму и папу, я почему-то думала не о том, что за штука такая – совместное Появление (хотя, ка-

жется, что-то такое мне приходилось слышать на лекциях), а о том, какая же, оказывается, красивая наша Старшая по выбору. Раньше я и не обращала внимания, что у нее такие яркие глаза. А еще мне казалось, что она очень взрослая тенька. А сейчас я увидела, что лицо у нее совсем юное.

Пока я разглядывала Старшую, она сосредоточенно читала со своего экранчика, шевеля губами. Потом подняла глаза, и я сразу поняла, что ничего у меня с этим совместным Появлением не выйдет.

– К сожалению, по данным родителям заявка на совместное Появление и Рождение невозможна.

– Спасибо. – Я зачем-то встала, хотя понятия не имела, что делать дальше.

Старшая вскочила со своего места и силой усадила меня обратно.

– Подождите! Давайте с вами подумаем. – Она разволновалась и от этого стала совсем похожа на девчонку. – Может, вы хотите сейчас посмотреть еще какие-то варианты? Конечно, я не должна этого говорить. Вы должны сами почувствовать своих родителей, но... – она понизила голос, – у нас очень много... срочных вариантов. Тех, кто уже давно и очень сильно ждет Появления ребенка.

Тут я наконец снова обрела способность соображать, что происходит, и сказала очень твердо и ясно:

– Нет.

Мы обе помолчали еще немного. Стало так тихо, что я

даже услышала, как переговариваются ребята в коридоре. Я посидела еще и спросила:

– Как мне заново выбрать этих родителей?

Старшая зачем-то поправила гладкие волосы, собранные в такой же узел, как и у женщины, стучавшей молоточком по Женькиной капсуле, и заговорила быстро и по-прежнему приглушенно.

– Видите ли... Вы можете хоть сейчас подать заявку. Но рекомендуемый день даты Появления – не раньше чем через год-полтора... И... – она заговорила совсем тихо, – я бы на вашем месте обратила внимание на данные личного архива этих родителей. Может, вы все же посмотрите другие варианты? Все-таки вторая попытка...

У меня в голове все перепуталось – таинственный кто-то, опередивший меня с заявкой, совместное Появление, личные архивы, вторая попытка... Я встала, взяла свой почти бесполезный теперь экранчик и папку с листочками, которую Старшая успела незаметно придвинуть ко мне, и медленно пошла к двери. У самого входа я обернулась:

– Большое спасибо. Я подумаю обо всем.

Глава 8

Я пришла в ячейку, легла на кровать и приготовилась умирать. Как это делается, я точно не знала. Герои книг, которые мы с Лизой успели прочитать, обычно умирали сами по себе, когда им было совсем плохо. Ну, или в крайнем случае им кто-нибудь помогал. Как-то раз я очень озаботилась вопросами смерти и бессмертия, впечатлившись историей Коцея, но вездесущая учительница по антропологическому представлению закатила глаза и сказала, что лучше бы я сначала Родилась, а потом уже волновалась, как это – умереть.

Вспомнив занудную тетеньку, я вдруг сообразила, что и умереть-то у меня, еще не Родившейся, получится вряд ли. И тут я в первый раз по-настоящему рассердилась на тех, кто нас сюда закинул – всего не рассказывают, кучу дурацких правил установили, родителей отбирают какие-то непонятные девочки, даже умереть толком не дают, когда совсем-совсем не знаешь, что делать дальше... Я свернулась клубочком и крепко закрыла глаза. Как в первый день во вводном инструктаже объяснила Старшая по распорядку, сон нам был не нужен, но по желанию мы могли ложиться спать ночью, чтобы жить в одном ритме с выбранными родителями. Тем более ночью опция «Родители» чаще всего была недоступна, а выходить за пределы капсулы (особенно гулять рядом с Садам Появившихся) не разрешалось. Конечно, оста-

валось еще Хранилище. Лизка именно так и поступала – ночи напролет копалась в ячейках, выискивала нужную информацию или читала книги из хранилищной библиотеки. А мне с первого дня здесь так хотелось поскорей попасть к родителям, что я чаще всего укладывалась спать, как только за стенами капсулы начинало темнеть. Так время проходило быстрее. А сейчас совсем не спалось. Да и время подгонять больше было незачем.

И тут какая-то мысль стала очень настойчиво крутиться у меня в голове. Я уже так устала думать за последние два дня, что хотела от нее отмахнуться – мало ли чего еще я надумаю. Поэтому крепко зажмурила глаза и стала считать до ста. Но на «тридцать один» меня вдруг осенило: когда я только что злилась на всех на свете, то подумала о девочке, которая самым бессовестным образом забрала моих родителей. Но ведь Старшая ничего мне о ней не говорила, а я прямо представляла себе, как мама заплетает ей рыжие косички!

Рыжие косички... и веснушки, и вздернутый нос... Ну конечно! Та самая девчонка, которая была передо мной в Кабинете по датам и поскакала потом по ступенькам, крича что-то насчет «сегодня», пока я мялась перед дверью.

Я тоже подпрыгнула и свалилась с кровати. Выходит, она опередила меня всего на один шаг! И если бы я сразу сообщила, кто занял мое место, а не лежала здесь и не предавалась трагическим мыслям, то уже бы давно нашла эту девчонку и оттаскала ее за крысиные рыжие косички! Драться,

разумеется, нехорошо, и мы «в любой ситуации обязаны вести себя сдержанно и воспитанно» (нет, я, оказывается, все-таки слушала нашу занудную антропологичку, в последние дни только и лезут в голову ее нравоучения), но красть из-под носа чужих родителей тоже не очень-то воспитанно!

А за дверью капсулы уже начало темнеть. Я еще никогда так быстро не бегала (ну, разве что в тот раз, когда стащила у своей противной соседки экран, чтобы перестала хвастаться, в какой большой квартире живут ее родители). Но добежав до Управления, я увидела, что свет нигде не горит, да и что-то мне подсказывало, что никто не расскажет, как найти эту рыжую вредину. Одна надежда на то, что ей захочется разочек прогуляться перед Появлением. Но ни в Саду, ни около учебных залов почти никого не было. Только грустный мальчик, который утром был в Управлении, сидел на скамейке и чертил палочкой на земле. Я потрясла его за плечо:

– Эй! Привет! Ты не знаешь, где живет рыжая девочка с косичками? Она сегодня была в Управлении по датам!

Он посмотрел так, как будто видел меня в первый раз. Я не сдавалась:

– Помнишь, ты утром не хотел идти выбирать дату, а она была перед тобой. А потом я пошла вместо тебя...

Наверное, я не очень понятно объясняла, потому что он снова посмотрел на меня с недоумением и равнодушно пожал плечами. «С тобой каши не сварить», – мысленно процитировала я маму (почему-то она так говорила, когда про-

сила папу совсем не о каше, а о каком-нибудь гвозде на кухне или новой ручке для дверцы шкафа).

Я носилась между капсулами, жалея, что в них нет окошек, как в квартире моих родителей. (Моих! Моих! Моих! Я выбрала их первая и не собиралась так просто уступить! Я найду эту девчонку и заставлю вернуть их мне!) К десятому ряду я окончательно выдохлась и села на землю. Стало совсем темно, скоро Смотрители начнут свой вечерний обход, и мне придется идти в свою капсулу.

И тут сзади кто-то окликнул меня:

– Ты, наверное, ищешь Риту?

Этот странный мальчик подошел ко мне совсем тихо и теперь стоял сзади.

– Ритина капсула вон там. – Он указал на ряд, по которому я пробежала уже раз двадцать.

– Спасибо, – крикнула я уже на полпути к нужной капсуле, когда он добавил:

– Только Риты там нет. Она Появилась где-то час назад.

Глава 9

Лизка приходила уже раз пять. Но я и не подумала нажимать на дверной рычажок. И даже с кровати не стала вставать. Не хочу никого видеть и уж тем более слышать. Сейчас снова начнутся упреки, нравоучения. Надоело слушать одно и то же. Тем более мне ничем не поможет это ее «а я говорила...».

Прошло уже два дня с того вечера, как у моих родителей Появилась совсем не я, а какая-то случайная девочка, которая просто бегала и соображала быстрее. Вот ей и повезло. Первым делом я хотела пойти в Сад Появившихся и... Но потом вспомнила Женьку и поняла, что ничего я с капсулой этой выскочки делать не буду. И пытаться кого-то вернуть обратно – это значит быть той самой сволочью, на которую ругался Смотритель.

Делать было абсолютно нечего, поэтому я два дня просто лежала и смотрела в потолок. Он был совершенно гладким, без единой царапинки, без всяких рисунков. От того, что я так долго смотрела, начало казаться, что он очень близко. И мне стало настолько противно от этого скучного потолка, что я поскорей отвернулась и уткнулась лицом в кровать. А покрывало было какое-то ужасно шершавое и неприятное. Тогда я собралась зареветь, но меня всегда жутко раздражали плачущие по любому поводу ребята. Вот моя соседка посто-

янно хныкала и капризничала каждый раз, когда экран гас, и больше нельзя было смотреть на родителей. Или еще лучше – разревелась перед днем Появления, потому что, видите ли, чего-то испугалась.

– Ну и дура ты, Настя! – честно сказала я ей.

А она давай реветь еще больше. Как маленькая, честное слово.

Но даже эта рева Настя сейчас болтается себе в капсуле и мирно посапывает, ожидая Рождения. А я?

Но плакать все равно не буду, не дождетесь (не знаю, ко-го я пугала, но так почему-то было легче). Опять вспомнила Лизку. Она мне всегда говорит: «Восьмёрка, рассуждай логически». Я отклеилась от одеяла, потеряла щеку и стала рассуждать логически.

Во-первых, эта девчонка уже Появилась у родителей. Это факт. Значит, мне нужно ждать... Что там говорила Старшая? «Рекомендуемое время Появления – через год». Но это ведь только рекомендуемое время? Можно же, наверное, попроситься пораньше.

На этом логические рассуждения у меня закончились, и я стала снова мечтать, как мама принесет меня из роддома, а папа и бабушка будут встречать на пороге с цветами и шариками (нам как-то показывали такие красивые картинки). А потом папа отвезет нас с мамой домой и мы чудесно заживем втроем. Может быть, еще собаку заведем, я читала в Хранилище про домашних животных и уже заранее готови-

лась убеждать родителей, что лохматая собака с длинными ушами нам просто необходима. Хотя мама однажды принесла домой кролика, а папа сказал, что это глупые животные, от которых только запах по всей квартире. Мама унесла кролика к подруге и не разговаривала с папой три дня. Вообще они частенько дулись друг на друга. Ну, ничего, когда у них буду я, все станет совсем по-другому. И насчет собаки мы вдвоем с мамой уж как-нибудь папу убедим. Что же это за семья – без собаки. Я уже так и представляла себе, как мы идем втроем по парку, где родители иногда кормили уток в небольшом озере, а я веду на поводке лохматого пса с добрыми глазами. Я уже и имя ему придумала – Рич...

Это была моя самая любимая мечта. Я могла ее целыми днями мечтать, но в этот раз что-то не складывалось. И тут я поняла. Эта рыжая не просто меня опередила. Она в самом деле Появилась у моих родителей. И даже если я опять подам заявление и выберу хорошую дату, мы уже никогда не будем гулять втроем по парку, потому что она всегда будет с нами. Она будет их первой дочкой. Это ее папа будет встречать на пороге. Это ей купят собаку. А я, может, уже и не буду им нужна, если даже Появлюсь вовремя...

В этот раз я залезла под одеяло с головой. Нам, конечно, рассказывали про братьев и сестер. И в нашей группе даже был один такой случай – к Маше просто прилипла какая-то девчонка, которая появилась в Управлении, когда мы уже заканчивали учиться. Ходила за ней по пятам, все пристава-

ла с расспросами, даже имя себе созвучное выбрала – Даша. Машка поначалу сердилась, а потом как-то так привыкла к этой малявке, что согласилась, чтобы та подала заявку на ее родителей. Теперь уже Маша давно Появилась, а Даша все считала дни, когда ей можно будет назначить дату и отправиться вслед за сестрой.

Но ведь они в самом деле дружили и хотели жить в одной семье, а я на эту девчонку не подписывалась! Это ж мне придется всю жизнь с ней жить, а она еще и напоминать будет все время, что обогнала меня и Родилась раньше. Я так разозлилась, что мне опять захотелось найти тетеньку с чемоданом, стащить оттуда молоточек – и все равно, что там с это Ритой будет. Рита. Даже имя у нее дурацкое, скрипучее какое-то. А у меня – вообще никакого...

В дверь капсулы настойчиво постучали: три длинных, пауза, два коротких. Снова Лизка пришла. Вечно сидеть в капсуле я не могла. Я вылезла из-под одеяла и со вздохом открыла дверь.

Лиза сегодня была какая-то не такая. Может, я ее просто давно не видела, но глаза у нее блестели, и вообще она была очень хорошенькая.

– Привет, – сказала я, – мне сегодня не очень хочется разговаривать. У меня тут кое-что случилось.

– Я знаю. – Лиза, как всегда, деловито вошла в капсулу и уселась на стул. – Мне все Сережа доложил.

– Какой еще Сережа? Не знаю я никакого Сережу! – Меня

все злило.

– Он тебе про Риту рассказал, – продолжала Лиза, – показывал капсулу, где она раньше жила.

– Понятно, – буркнула я, пиная ножку кровати. – Странно, что он так разболтался, я-то думала, этот Сережа вообще говорить не умеет.

– Зря ты так, – нахмурилась Лиза. – У него вообще-то сложная ситуация...

«Ситуация у него, – мрачно подумала я. – Что, Появление пришлось на неделю отложить? Или дом родителей не нравится?» На самом деле, сидя перед кабинетом Старшего по датам, я обратила внимание, что Сережа как-то по-особому грустит. Мне даже показалось, что он плакал перед этим. И в другое время я бы обязательно спросила, что случилось. Но сейчас все проблемы, кроме собственной, казались глупыми.

– Ну ладно, сейчас не об этом, – продолжала Лиза. – Сейчас меня интересует другое: что ты собираешься делать?

– А что ты хочешь, чтобы я сделала? Перенеслась во времени и опередила эту отвратительную девчонку?!

Лиза посмотрела на меня с нескрываемым раздражением:

– Во-первых, Рита не отвратительная девчонка. Во-вторых, так и знала, что ты начнешь орать вместо того, чтобы делом заняться.

Меня всегда бесило, что Лизка строит из себя взрослую, но тут она уже просто перешла все границы. Даже если она понимает больше других, вся такая умная (и родителей, ко-

нечно, выбрала таких же – мама на скрипке играет, а папа какой-то известный ученый, только и слышно с Лизкиного экрана – «симпозиум», «консерватория», «конференция». Ну и что, что моя мама детей в школе учит, а папа в компьютерах копается! Это же не значит, что Лизка может нос задирать).

Я помолчала немножко и сказала совсем спокойно:

– Во-первых, Лиза, это не твое дело. А во-вторых, так и знала, что ты придешь сюда умничать. Никакого толку от тебя. А еще подруга называется.

Мы с Лизкой никогда не ссорились, и, кажется, обе немножго испугались. Она вскочила со стула и крикнула:

– А ты сама хорошая подруга? Ты вообще давно спрашивала, как у меня дела? Или тебе интересно только что у тебя самой происходит?

И вдруг Лизка заплакала. Я ни разу не видела, чтобы она плакала, а тут она стала шмыгать носом. Мне ужасно захотелось помириться прямо сейчас, но она быстро вытерла слезы и пошла к двери. Значит, она уйдет и бросит меня одну? Я опять разозлилась и крикнула ей вслед:

– Ну и иди! Никто тебя тут не держит! А за меня можешь не беспокоиться. Я вот возьму и разобью капсулу этой Ритки. И буду опять одна у своих мамы с папой.

Лиза резко остановилась прямо перед дверью, потом медленно повернулась ко мне. У нее было такое лицо, что мне стало невыносимо смотреть ей в глаза, и я уставилась в пол.

– Знаешь, Восьмёрка, – сказала Лиза очень тихо, почти шепотом, – это ведь настоящее убийство. Ты, оказывается, совсем не такая, как я думала.

И дверь за Лизой так же тихо закрылась.

Глава 10

Не знаю, сколько прошло дней. Я перестала их считать. Незачем было. Раньше я всегда отсчитывала дни до выходных мамы с папой, потому что по субботам и воскресеньям они много времени проводили вместе, и экранчик позволял подольше на них посмотреть. Особенно мне нравилось выходить с ними на прогулку, бродить по дорожкам скверов. А однажды они даже оказались в парке аттракционов. Мама так хохотала, вращаясь на какой-то сумасшедшей ракете. Честное слово, она стала совсем похожа на девчонку. И папе это очень понравилось.

Из капсулы я старалась не выходить, с Лизкой с того самого дня больше не виделась, да и ни с кем из ребят разговаривать не хотелось. За все это время ко мне пришли только один раз. И вот после этого визита все стало совсем плохо.

Когда в дверь постучали, я подскочила с кровати, втайне надеясь, что это Лиза, но за дверью стояла... Старшая по выбору. Я никогда не видела, чтобы Старшие приходили в капсулы, поэтому здорово перепугалась. А вдруг кто-нибудь узнал, что я говорила про Риткину капсулу, и теперь меня вообще выгонят отсюда или сразу отправят на Распределение? Но Старшая не выглядела сердитой, правда, она немножко нервничала и несколько раз оглянулась, прежде чем зайти.

– Давно я не бывала в капсулах, – сказала она, оглядываясь по сторонам и явно не зная с чего начать. – Ну, как вы тут живете?

– Нормально, – пробормотала я, все еще ожидая, что сейчас меня накажут как-нибудь очень страшно.

Она еще больше понизила голос (хотя у капсулы такие стены, что нас бы все равно никто не услышал) и заговорила торопливо:

– Видите ли, в чем дело... Я хотела узнать, посмотрели ли вы личное дело родителей, к которым хотели попасть?

С этим личным делом у меня вышло как-то странно. Раньше мне было ужасно интересно узнавать все, что связано с мамой и папой. И я даже удивлялась, как это я пропустила, что можно все-все про них прочесть в специальной папочке. Но после всего, что случилось за последнее время, всякие открытия меня уже не очень радовали. Пока я сидела в капсуле, хотя бы ничего нового не случалось, было только старое плохое, с которым я еще не разобралась, но понемножку начала к нему привыкать.

А папка эта меня пугала. Обычная белая папка с желтой какой-то наклейкой. Я даже ночью просыпалась и видела, как этот ярлычок мерцает в темноте. Запихнула папку под подушку. Так она все время острым углом впивалась мне в затылок. В конце концов я засунула ее под стол как можно дальше... И теперь испугалась, что Старшая прямо сейчас попросит меня ее вернуть. Придется при ней лезть под стол,

а главное, я так и не узнаю, что там написано.

Я постаралась думать быстрее: если сейчас скажу Старшей, что еще ничего не читала, она решит, что папка мне и не нужна совсем, и заберет ее. А если совру, что прочитала, тем более заберет.

Но я все-таки на всякий случай соврала. А то вдруг она подумает, что и родители мне не нужны, раз я про них до сих пор не читала.

– Посмотрела, – сказала я, сама удивляясь, что могу так спокойно говорить неправду.

Она взглянула на меня с тревогой:

– И что вы решили?

– Я ничего не решила. Мне еще нужно подумать.

Старшая встала и зашагала по комнате.

– Я, конечно, не имею никакого права вмешиваться... Но у вас такой необычный случай...

Она резко остановилась и, не глядя на меня, продолжила:

– Вы ведь видели архив данных. Почти никаких шансов.

Неужели вас это не заставило передумать?

«Почти никаких шансов...» Что это значит? Я совсем ничего не хотела понимать. Недавно все было так легко. Я чувствовала себя маленькой и счастливой, а теперь вдруг стало сложно. И как-то очень тоскливо.

Я молчала, а Старшая вытащила из-под халата еще одну папочку и положила на стол:

– Просто почитайте. Вдруг вы передумаете. Я просто хочу

вам помочь.

Дверь захлопнулась, а я уже во второй раз за последнее время осталась в полной растерянности перед этими закрытыми створками.

Глава 11

Решила начать с новой папки. Посидела на полу, крепко зажмурилась и взялась за обложку. А когда открыла глаза, увидела очень красивых улыбающихся людей. У женщины были длинные светлые волосы (никогда не видела таких – даже на фотографии они переливались задорными, живыми огоньками, как у какой-нибудь красавицы из книжки, только она была лучше любых красавиц, потому что настоящая). А у темноволосого мужчины глаза синели так ярко, что мне опять захотелось зажмуриться.

А еще им нужен был ребенок. Не знаю, как я это поняла. У меня иногда бывает такое – только посмотришь на кого-нибудь и сразу все про него понимаешь. Например, я сразу узнала, что наш Смотритель добрый и грустный, а Лизка любит задаваться, но вообще-то справедливая, потому я и стала с ней дружить.

А у вот этих двоих все было хорошо, но все-таки отчего-то ужасно пусто. Досье на них было совсем коротенькое, но мне оно тоже понравилось. Сказочную девушку звали Аленой, и они с Вадимом оба были ветеринарами (трудное слово, в самом начале обучения я как-то назвала Айболита ветераном и в первый раз увидела, как наша антропологичка улыбается). Напротив граф «Первый ребенок», «Второй ребенок», «Совместное Появление» стояла пометка «Высокая вероят-

ность». Значит, у этих родителей мы с Ритой могли бы Появиться вместе. А еще собаку бы мне точно разрешили...

Я еще немного посмотрела фотографии из досье и отложила папку в сторону.

Теперь передо мной оставалась только одна папка с желтыми закладками, кончики которых выглядывали изнутри.

Но вместо того чтобы ее открыть, я стала размышлять.

Когда я только начала учиться в Управлении, все мне казалось очень простым. Ведь это правда здорово – сначала тебя всему научат, потом выбираешь родителей, которые только тебя и ждут, и отправляешься в свою чудесную жизнь, где тоже сплошные радости. В книжках у героев, конечно, случались неприятности, но ведь то в книжках.

Почему же у меня все так сложно? И не только у меня. За последние дни появилось больше вопросов, чем ответов. Что случается с детьми-распределенцами, например? Раньше я о них не думала совсем. Просто боялась, что стану одной из них, поэтому старалась даже не разговаривать с такими ребятами. Те, кто попадал в семью по Распределению, жили отдельно, но иногда мы издалека видели, как они гуляют в своем Саду. Они были обычными ребятами, которые еще вчера жили в соседних капсулах. Но почему-то мне не хотелось с ними даже разговаривать, такие они были кислые и вялые.

Конечно, не все распределенцы бессмысленно бродили часами по Саду. Некоторые бегали себе и бегали, очень даже

веселые. Я никогда не думала всерьез о том, что это значит, когда тебя Распределяют. Потому что для меня это значило одно – я не попаду к своим родителям. И ничего не было страшнее. А, как выяснилось, есть кое-что и похуже.

Я опять вспомнила про Женьку. Как бы все-таки разузнать, что с ней. Вдруг можно как-то ей помочь?

Но папка все лежала передо мной, и нужно было, наконец, с ней разобраться.

Я сразу же увидела, что написано про маму с папой еще меньше, чем про Алену и Вадима. Да и все это я уже знала. Я все позволенное время следила за тем, что они делают, поэтому уже наизусть выучила их привычки, профессии. Всех маминых учеников знала по именам и даже сердилась на некую Лиду, которая была маминой любимицей. Мама однажды сказала кое-что, что мне совсем не понравилось: «Нам бы такую дочь». Как вам это? Послушать маму, так эта Лидочка только и делает, что читает книжки. Нет уж, читать, конечно, интересно, но мне больше по душе Витя, который хоть и нервирует маму (на мой вопрос, что такое «нервировать», Лиза, занятая очередным конспектом, ответила, что я именно это сейчас и делаю), но зато совсем не такой зануда.

Я еще раз перечитала написанное в папке и перевернула страничку. Теперь передо мной была только таблица все с теми же графами «Первый ребенок», «Второй ребенок», «Совместное Появление». Про Совместное Появление я уже все знала, а вот напротив графы «Второй ребенок» стояла

красная пометка: «Крайне низкая вероятность». Я еще раз перечитала три этих слова, пытаюсь разобраться в их смысле, а потом подняла глаза и увидела пометку около «Первого ребенка»: «Низкая вероятность».

Что это могло значить?! Ритка ведь уже Появилась у родителей, обманула эту низкую вероятность. Тогда и я, наверное, смогу справиться с крайне низкой...

Но вот еще что. То, что Рита смогла Появиться, еще не значило, что она останется. Раз вероятность маленькая, родители могут и отказаться от нее. И если еще несколько дней назад я сама хотела разбить капсулу Риты, то сейчас испугалась, что ее и вправду вернут. На секунду даже увидела, как взметнулись за стеклом рыжие косички, а на меня беспомощно смотрят Риткины глаза...

Через несколько минут я уже была в Саду Появившихся. Неподалеку, между капсулами, мелькала фигура Смотрителя. Но мне было все равно, никакая сила не смогла бы меня сейчас удержать. Я должна была убедиться, что с Ритой все хорошо!

Я не успела толком рассмотреть Риту, когда мы столкнулись в коридоре, но сейчас она мне показалась даже симпатичной. Веснушек как будто стало меньше, а волосы сквозь стекло золотились на солнце. Я присела около капсулы и приложила к стеклу ладони. Ритка уже была где-то там, у мамы. И в эту секунду я поняла, что ни за что на свете не сделаю ей ничего плохого, потому что от этого будет плохо

и маме. А еще потому что Рита вдруг показалась мне совсем не чужой, не противной, а кем-то важным и близким.

Я прижалась к капсуле, обняла ее и зашептала:

– Рита, я буду тебя охранять, чтобы все было хорошо. А ты передай, пожалуйста, маме с папой, что я тоже очень жду...

За спиной кто-то несколько раз кашлянул и негромко произнес:

– Ну, здравствуй, Восьмёрка.

Глава 12

Первым делом Смотритель протянул мне платок и старательно смотрел в сторону, пока я вытирала слезы (многое гораздо проще понимать, когда сталкиваешься с этим лично. Вот когда нам объясняли про такт и деликатность, ничего не было ясно, а теперь сразу все стало понятно). У меня к нему было сто вопросов, но я старалась не торопиться. Вообще еще неизвестно – может, он сейчас выгонит меня или отведет к кому-то из Старших. Тем более за последнее время я сделала много всякого, что не очень-то понравилось бы в Управлении.

Я вернула основательно промокший платок (не умею слово держать: обещала же не плакать!) и решила начать с простого:

– А откуда вы знаете, что меня Восьмёркой зовут?

Смотритель присел на камень рядом с капсулой Риты и улыбнулся доброй улыбкой:

– А я все про тебя, Восьмёрка, знаю. Видишь, как славно, что ты все-таки решила навестить Риту без молотка.

Я искоса еще раз взглянула на него. Было не похоже, что он собирается куда-то меня тащить, но все-таки следовало быть осторожней – откуда он знает про Риту и молоток?

– Да ты не волнуйся. – Смотритель протер рукавом капсулу – там, где я прижималась щекой к стеклу, остались мок-

рые следы. – С капсулой бы у тебя все равно ничего не вышло, здесь стекло особое, так что зря твоя подруга волновалась. А что от мыслей этих отказалась, молодец.

У меня в голове даже что-то щелкнуло, как рычажок на двери, если хлопнуть створками слишком сильно. Лизка! Лизка донесла на меня!

– А Елизавету не осуждай, – продолжал Смотритель, скручивая несколько травинок в затейливо переплетенную косу. – Она тебя убереечь хотела, беспокоилась, как бы ты дров не наломала с горя.

Я села рядом со Смотрителем и закрыла лицо руками. А он продолжал все так же спокойно:

– Зря ты злишься. Лиза только добра тебе хочет. Что ты так тревожишься? Будет у тебя старшая сестричка, будете дружить, в мире жить.

– Я уже ничего не понимаю. – Я еще ниже опустила голову и уткнулась в колени. – Почему все так сложно, дядь Смотритель? Почему нельзя просто выбрать родителей и Появиться? Почему у других ребят все просто?

Он вздохнул.

– У каждого своя история. Просто, да не просто, Восьмёрочка. Всем много всякого придется повидать. А душа твоя беспокойная, пытливая. Трудно тебе будет. Зато всегда будешь что-то главное искать, не останавливаться. А так жить сложнее, но и легче, девочка.

Он погладил меня по голове. Большая капля снова скати-

лась с моей щеки и ударилась прямо о землю, собрав в одном месте островок пыли.

Глава 13

Мне еще никогда ни с кем не приходилось мириться. Поискала информацию в Хранилище, даже конспекты по этике общения посмотрела. Выходило, что нужно попросить у Лизки прощения. Но как это сделать, чтобы она точно меня простила? В Хранилище попадались какие-то стишки, которые доверия не внушали. Почему-то я была уверена – от того, что подержу Лизу за мизинец и скажу «мирись-мирись», она не станет ко мне лучше относиться. Тем более мы не дрались и не кусались (стукнуть Лизку иногда, конечно, хотелось, но кусаться?!).

Нашла старинную книгу – «памятник, на котором воспитывалось не одно поколение». Называлась «Юности честное зеркало». Половину слов не поняла, смысл разобрала с трудом. Но вот такое Лизе наверняка понравится.

После условного сигнала Лиза открыла сразу. Она насто-роженно поглядывала на меня, не выпуская из рук экранчик.

– Милостивая государыня, – начала я, стараясь произно-сить отрететированный текст «благодарно и учтиво», как требовала от меня странная книга. – Покорнейше прошу принять мои самые искренние извинения...

Лиза фыркнула:

– Опять издеваться пришла?

Я даже поперхнулась от возмущения:

– Ты что, Лиза? Я же прощения у тебя прошу! Я же от всей души! Я же учтиво с тобой разговариваю.

Напряженность на Лизкином лице сменилось улыбкой:

– Ну и чудо же ты в перьях, Восьмёрка!

Я придирчиво осмотрела свой постоянный наряд – синее-белое платье в полосочку, как у кота Матроскина (интересная книга, антропологичка почему-то говорила, что мы как дядя Федор – маленькие взрослые или взрослые дети. Только я этого дядю Федора никогда не понимала: как же можно от своих любимых родителей просто так взять и уйти?!). Так вот, никаких перьев на платье не было, но долго раздумывать об этом не пришлось – Лизка соскочила с кровати и крепко меня обняла.

– Ну что, мирись-мирись и больше не дерись?! – засмеялась она.

Вот никогда не узнаешь, чем Лизе угодить.

Мне очень хотелось рассказать ей про все свои беды, но теперь эта дурацкая книжка не давала покоя. А если ей верить, ни в коем случае нельзя сразу говорить о себе. Сначала надо сделать вид, что тебе интересно, как дела у собеседника, а потом уже рассказывать свои новости.

И тут Лизка сказала кое-что такое, что я разом забыла и про книжку, и про все остальное.

– А я дату Появления назначила. – Лиза старалась не смотреть на меня, как будто ничего в этом не было особенного. Подумаешь, дата Появления...

– Как? Когда? Что же ты мне раньше не говорила?!

Лиза опустила глаза.

– Я боялась, что ты за меня не порадуюшься. Ты же так злилась все это время. Вот, даже Ритку хотела... молотком.

– Это все уже прошло. – Я торопливо потянула Лизу и сама уселась на кровать. – И об этом потом. Рассказывай!

Лиза села, скрестив ноги:

– Я всё просчитала. У родителей сейчас благоприятный период для моего Появления. Папа только что защитил важную работу, а у мамы скоро будет большой концерт. И потом они наконец-то одновременно уйдут в отпуск. Тогда у них в голове как раз освободится немножко места для мыслей обо мне, – торжественно закончила она.

Если честно, мне это показалось странным – раньше я бы и представить не могла, что у родителей должно быть какое-то особое место в голове для нас. Мы здесь так ждали встречи с ними. Неужели они не ждут нас так же?!

Но теперь я на всякий случай очень внимательно слушала Лизу.

– И когда?

Нет, я радовалась за Лизу, честно. Она так долго готовилась к этому. И ее родители мне очень нравились. Лизка им точно нужна – а то они слишком много работают. Но еще я понимала, что моя подруга скоро меня покинет. И я тут останусь совсем одна очень надолго.

Лиза уже не могла усидеть на кровати, так ей не терпелось

поделиться радостью:

– Через две недели! – Она спрыгнула с кровати и даже подкинула в воздух экранчик, так что я еле успела подхватить его.

Кажется, Лизе стало стыдно, что она распрыгалась, как кузнечик (это нам всегда так Старшая по распорядку говорит – расходитесь по капсулам, хватит скакать как кузнечики), потому что она быстро пригладила волосы и села, расправив темное платье и одернув белый воротничок.

– Значит так, Восьмёрка, – сказала она строго, – ты ничего такого не думай. Я тебя совсем не бросаю. Тебе нужно только выждать разумное время после того, как Рита Родится, а потом сразу же отправляться следом. И тогда мы с тобой обязательно встретимся.

Антропологичка нам говорила, что нужно быть оптимистами. Но у некоторых (по-моему, на этих словах она обычно смотрела на меня) оптимизм чрезмерный, и следует его разбавить здравым смыслом. Так вот, сейчас здравый смысл мне подсказывал, что ничего из этого не выйдет. Все получилось наоборот. И вообще...

– Ты же теперь наверняка с Ритой подружишься... Вы же почти в одно время Родитесь.

Лизка опять вскочила.

– Глупости ты говоришь, Восьмёрка. – Она зашагала по комнате. – Глу-по-сти! Я пока тут без тебя сидела, обо всем подумала. Главное, в этот раз правильно выбрать дату.

Ритка Появилась только недавно, значит, мне еще месяцев восемь ждать, когда она Родится, а потом еще какое-то положенное время. И все это без Лизки... Я всхлипнула:

– Я же тут буду совсем одна...

– Ну-ка не реви, Восьмёрка! И совсем ты не одна тут будешь. Вот, Смотритель у нас какой. Всегда с ним можно поговориться. И... – Лиза запнулась и немножко покраснела, – Сережа вот, например, очень хороший. С ним тоже иногда можно разговаривать.

Я вытаращила глаза и фыркнула:

– Сережа?! Чего это ради я буду с ним разговаривать?

– Ну так, просто... Просто иногда с ним можно поговорить. И всё. Чего ты ко мне пристала?!

– Да я к тебе и не приставала, – говорю. – Странная ты какая-то, Лиза. А со Смотрителем, да, хорошо бы еще поговорить. Знаешь еще что? Ко мне ведь приходила Старшая по выбору...

И я выложила Лизке всю историю с папками и архивами.

Лиза дослушала всё и снова начала бегать по капсуле. Я напряженно ждала, что она скажет. Наконец не выдержала:

– Это плохо, да? Очень плохо?!

Лиза остановилась и посмотрела на меня пристально:

– Нет, Восьмёрка. Просто надо подумать, ладно? Можешь мне показать эти папки?

И пока мы ходили в мою капсулу за архивами и еще немножко посидели у меня, Лизка все рассказывала про сво-

их родителей, про то, как она ходила выбирать дату. И что Родиться она должна прямо в папин день рождения, потому что однажды он сказал маме, что она, Лизка, будет для него лучшим подарком.

Я удивлялась:

– Разве он уже про тебя знает?

– Да нет же, – объясняла Лиза, – конкретно про меня не знает, но вообще ждет.

Вот что с людьми делает выбор даты – никогда еще не видела Лизу такой разговорчивой и такой красивой. Потом она ушла с моими двумя папками, а я осталась ждать. Больше пока делать было нечего.

Глава 14

К вечеру мне стало совсем скучно. Вышла побродить, и ноги сами повели в Сад Появившихся. Сначала я немножко поглазела на болтающихся в капсулах ребят, а потом стала кругами идти к Риткиной капсуле.

Удивительное дело – еще несколько дней назад я готова была отлупить ее и даже что похуже, а теперь так и тянуло смотреть на Ритку часами. Было в этом что-то такое волшебное – вот она, здесь, в капсуле. А вместе с тем она же сейчас уже в мамином животе. Может, поэтому мне так нравилось сидеть рядом с капсулой? Как будто мама где-то рядом.

Ритка повернулась на правый бок, так что ее лицо оказалось прямо передо мной. Она даже как будто стала похожа на маму, только у мамы волосы темные, а у Ритки прямо горят на солнце.

Я так давно не видела маму. Интересно, она уже знает, что Рита у нее Появилась? Оказывается, мамы и папы не сразу узнают. Вот когда Машка Появилась, Даша думала, что мама прямо сразу начнет прыгать от радости. А та еще целый месяц ходила как ни в чем не бывало, потом стала очень задумчивая и только на следующий день пришла домой счастливая. А папа девочек все суетился, бегал по дому и три раза расплескал чай, который заваривал для мамы.

Жалко, что нельзя как-нибудь рассказать нашей маме, что

у нее в животе уже живет маленькая рыжая девочка. Чтобы мама поскорей стала счастливая. А еще, чтобы аккуратней спускалась по лестнице и пока больше не каталась на всяких аттракционах – вдруг Ритка как-нибудь случайно вывалится раньше времени от всех этих вращений.

Глава 15

Интересные пироги!

Иду я, значит, мимо нашего садика с беседками, считаю деревья у обочины, чтобы хоть чем-нибудь себя занять. И вдруг вижу – в одной из беседок сидит Сережа, а рядом с ним – кто бы вы думали?! Лизка! И вот эта самая Лизка, которую не оттащишь от Хранилища и ее собственных конспектов, эта самая Лизка, которая вечно читала мне нотации («Сиди ровно!», «Не маши руками», «Опусти ноги»), вот эта самая Лизка, которая забрала мои папки и не появляется уже второй день, сидит себе на скамейке в беседке, болтает ногами и хохочет во все горло. И почему? Потому что Сережа, из которого слова не вытянешь, рассказывает ей что-то необыкновенно смешное. Настолько смешное, что у Лизки от смеха даже слетела одна туфелька, и теперь ее босая нога так и мелькает в воздухе.

Я ринулась к ним через Сад, чтобы немедленно разобраться, что здесь происходит, но они внезапно стали очень серьезными, и я притормозила. А потом спряталась за ближайшую беседку и стала изо всех сил прислушиваться.

Подслушивать, разумеется, нехорошо. Но я тут кое о чем подумала недавно. Разве мы не подслушиваем и не подсматриваем за родителями через экранчик? Потому что мы им не чужие люди. И Лизка мне тоже не чужая, а я должна быть

в курсе, что с ней происходит, потому что последние два дня она явно не в себе. Или вот еще – книжки. Разве это не подслушивание? Живут себе люди преспокойно, а какой-то ужасно умный дядька (почему-то писатели в основном дядьки) наблюдает, как они страдают, а потом описывает все это, чтобы все желающие могли узнать, кто в кого на самом деле влюблен. И ничего, все читают, да еще потом и хвастаются своей начитанностью, как некоторые.

Пока я так рассуждала, Сережа с Лизой от громкого хохота перешли к полусшепоту, и мне с трудом удалось разобрать, о чем они беседуют:

– Ты пойми, – говорила Лиза, – никогда не бывает идеально. Это не я так думаю, это опыт человечества. Я понимаю, что тебе очень трудно, но постарайся на них не злиться.

– Я не злюсь, – грустно сказал Сережа, – просто не понимаю. Они же так друг друга любят. Почему же все время ссорятся? Мне экран их совсем редко показывает. И мама почти все время одна дома.

Лицо у Сережи перекосилось, и Лиза потихоньку взяла его за руку. Я просто своим глазам не поверила. Вот так, среди бела дня!

– Мне кажется, папа вообще уже не живет дома, – сказал Сережа совсем тихо.

У меня ужасно затекла нога, я попыталась повернуться поудобней, но в этот момент прямо над моей головой раздался звонкий голос:

– А от кого ты прячешься?

От неожиданности я подскочила, но поспешно вернулась обратно в убежище и дернула за собой Дашку, которая, хлопая глазами и обсасывая синюю ленточку, доставшуюся ей от Маши перед Появлением, стояла на дорожке и смотрела прямо на меня.

Лизка отдернула руку и беспокойно осмотрелась по сторонам.

– Даша, – сказала я шепотом, – это такая игра. Сейчас мы с тобой поползем между беседками как можно тише. Выигрывает тот, кто доползет первым к выходу из Сада. Поняла?

Даша послушно кивнула, и я потихоньку поползла по еле заметной тропинке, убедившись, что она ползет за мной.

Нет, не могла я просто так подойти к Лизе и Сереже. Что-то такое странное было с ними обоими. Еще вчера я бы даже внимания не обратила на этого Сережу и просто высказала Лизке все, что о ней думаю. А теперь было нельзя. И еще я вспомнила, как однажды папа заболел и лежал несколько дней в постели. Как мы с мамой тогда волновались за него! Мама поила его разными травяными чаями, а еще читала вслух. Я уверена, что не так уж папе интересно слушать про какую-то девушку, странствующую по замкам и лесам, но смотрел он на маму с такой нежностью.

И причем здесь мои мама с папой? Совсем не к месту вспомнилось.

– Я выиграла! – завопила Дашка, вскочив с земли и улы-

баясь во весь рот. – Но ты не расстраивайся. Ты когда-нибудь тоже выиграешь.

И она участливо погладила меня по голове.

Глава 16

Лизка точно сошла с ума.

Я выждала часик и отправилась к ее капсуле. А она как раз идет по дорожке. Прошла мимо меня, чуть не сбила. Я говорю:

– Лиза! Ау!

А она:

– Ой, прости, я тебя не заметила.

Интересно, как можно на узкой дорожке не заметить целую меня?!

Дальше еще интересней.

Спрашиваю:

– Посмотрела папки?

– Какие папки? – не понимает она и смотрит куда-то сквозь меня.

Я набрала побольше воздуха, чтобы высказать все, что об этой особе думаю, но пока считала до пяти (это бабушка так маму наставляет после ссор с папой: «Не говори сразу все, что пришло в голову, посчитай про себя до пяти»), Лизка вдруг как будто очнулась, потеряла лоб и говорит:

– Что ты сейчас спрашивала? Я, кстати, собиралась к тебе зайти и поговорить насчет папок.

Я подумала, что она, наверное, перегрелась в своей беседке. Или книжек перечитала. У нас тут есть одна девочка, хо-

дит, мычит себе что-то под нос. Ни с кем не разговаривает и улыбается все время. Вдруг Лиза тоже такая станет?

Я очень медленно и отчетливо произнесла:

– Лиза, я тебя об этих папках и спрашиваю.

– Ага, – говорит и продолжает так рассеянно по сторонам поглядывать.

Мы молча зашли в капсулу. Тут она, видимо, опять забыла, о чем мы хотели поговорить, потому что взяла экранчик и стала выжидательно смотреть на меня.

Тут я уже не выдержала.

– Тебя этот Сережа что, заколдовал?

Никогда не думала, что человек может быть такого красного цвета. Будто все Лизкино лицо покрасили ручкой, которой мама исправляет ошибки и двойки ставит.

И забормотала она что-то совершенно невнятное.

– Какой Сережа? Что Сережа? Я тебе папки... хотела... А ты – Сережа. Ты шпионишь, да? Отстань вообще! – совершенно неожиданно закончила она.

Теперь мне было даже весело. Обычно это я выглядела глупо в Лизкиных глазах, а тут что-то новенькое.

– Да я к тебе и не пристаю. Просто зашла узнать, посмотрела ли ты папки.

Цвет на Лизкином лице стал постепенно меняться, но пока она была все равно какая-то розовенькая, как Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф вместе взятые. Лизка молча полезла в стол, достала обе папочки и открыла их.

Со стола на меня снова смотрели Алена с Вадимом. В этот раз они мне показались еще более веселыми и при этом еще более ждущими. А вот мама с папой на их фоне выглядели совсем не такими жизнерадостными. Но я так скучала по ним! Сколько уже дней я их не видела? Что они сейчас делают?

К Лизке вернулся обычный цвет лица и самоуверенность:

– Вот что, Восьмёрка, – начала она строго. – Ты сама все видишь. Конечно, гораздо разумней выбрать тех родителей, у которых высока вероятность Появления второго ребенка. Этих или любых других...

Я хотела возмутиться, но Лиза меня остановила.

– Подожди, я еще не закончила. – Она громко вздохнула. – Конечно, так разумней. Знаешь, что я поняла. Вот ты думаешь, что я своих родителей выбирала по всяким расчетам и графикам, и осуждаешь меня за это.

– Да я же... – попыталась я снова.

Но Лизка не дала мне продолжать (надо же, только что не могла двух слов связать, а теперь как будто подготовленную лекцию читает).

– Осуждаешь, я же знаю. И не обижаюсь на тебя за это. Я, конечно, собиралась все изучать, сопоставлять, выбирать самые благополучные варианты. Но как только своих родителей увидела... В общем, мне, конечно, повезло, что мама с папой вот такими оказались, и все у них хорошо. Но я бы их выбрала, даже если бы все было по-другому, и я знала, что

есть какая-то опасность. И Сережа так тоже думает, – закончила Лиза, глядя в пол.

Чтобы Лизка вот так просто взяла и призналась в своей непрактичности?! Как любит говорить бабушка, «сегодня точно пойдет снег». Хотя у нас тут его и не бывает.

– И все-таки, при чем здесь Сережа? – спросила я, когда немножко пришла в себя.

– Он выбрал родителей, дату назначил. А его папа почти не живет дома. Сначала они ссорились все время, а теперь его не бывает, и мама плачет. Я вначале уговаривала Сережу назначить другую дату или вообще... других родителей выбрать. А он сказал, что все равно хочет родиться у мамы и помогать ей. Чтобы она больше никогда не была такая грустная. А я буду помогать ему, – с внезапной решимостью сказала Лиза. – И ты тоже должна бороться за свою семью, Восьмёрка.

Глава 17

Вот так думаешь, что всю жизнь знаешь человека, а оказывается – нет.

По дороге к Саду Появившихся все время думала о Лизе. С ней произошло что-то такое важное, что у меня в голове не помещалось. Даже потрескивать начало в середине лба от напряжения. Оказывается, все, кто вокруг живут, полны сюрпризов. Раньше мне казалось, что Настя из соседней капсулы – дура и вредина. А сейчас я вспоминала, как она волновалась перед Появлением. И ведь есть из-за чего. Выходит, не такая уж она и дура. Когда я первый раз увидела Сережу, я решила, что он наподобие той девочки, что ходит и песни поет. А послушать Лизу, так он вообще истина в последней инстанции (папа так любит говорить: «А твоя мама у нас что, истина в последней инстанции?»). А сама Лизка? Вся такая правильная, строгая... А на самом деле из-за всего переживает, краснеет по любому поводу. Наверное, это и значит – не судить о человеке по первому впечатлению. Так нам повторяли на лекциях. Хотя, казалось бы, что тут непонятного? Разве не ясно с первых же страниц, что Иванушка хороший, а Кощей – плохой?

И я ведь тоже кое-что новое про себя поняла за последние дни. Значит, и о себе нельзя судить по первому впечатлению?

Пока я барахталась во всех этих сложных размышлениях, опять оказалась у капсулы Риты. Здесь у меня уже образовался целый наблюдательный пункт. Я притащила к капсуле два камня, а между ними положила перекладинку. На этой скамейке было гораздо удобней следить, чтобы с Ритой все было в порядке.

Смотритель, как всегда, бродил между капсулами, и я помахала ему, устраиваясь на скамейке. С того самого разговора, когда я сморкалась в его платочек, Смотритель больше не гонял меня из Сада. И даже обещал особенно тщательно присматривать за Риткиной капсулой.

Когда Смотритель присел на мою скамейку, мы некоторое время молчали, глядя на Риту, которая покачивалась, как на воде, подложив кулачок под голову. Потом я набралась храбрости и осторожно спросила:

– Дядь Смотритель, а ведь бывает так, что человек живет себе, живет, а потом вдруг становится другим?

– Бывает, конечно, – ответил он не задумываясь. – Мне кажется, Восьмёрка, что человек каждую секунду жизни становится другим. Вот ты, например, девочка. Еще несколько дней назад хотела разбить эту капсулу, а теперь часами ее охраняешь.

Я еще ниже опустила голову. Смотритель ни разу даже не отругал меня за это, но явно не хотел, чтобы я легко забыла о том, что чуть не натворила. Он легонько потрепал меня по голове:

– А почему ты об этом подумала, Восьмёрка? Тебе кажется, что кто-то изменился?

Я вздохнула:

– Не знаю. Ну, вот, например, ты знаешь человека. Думаешь, что знаешь. А потом он вдруг говорит то, что раньше бы никогда не сказал. И краснеет, и запинается. И ни с того ни с сего собирается поддерживать Сережу после того, как Родится.

Смотритель молчал, и я, исподтишка взглянув на него, увидела, что он улыбается, и от этой улыбки вокруг его светло-голубых глаз появились добрые морщинки.

– Бывает, Восьмёрка, – наконец сказал он, глядя куда-то вдаль. – Очень даже бывает. И когда человек внезапно краснеет и на всю жизнь решает кого-то поддерживать – это самое важное, что может быть.

– Даже важнее, чем правильно выбрать родителей? – удивилась я.

– Пожалуй, это одинаково важно, – согласился Смотритель и взглянул на две папочки, валяющиеся на траве под скамейкой. – Ну а ты, Восьмёрка, решила что-нибудь?

Я еще раз взглянула на Ритку, на папки и на спокойное лицо Смотрителя.

– Решила, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал храбро. – Я буду бороться за свою семью.

Глава 18

– Лиза! Лиза-а-а-а! – Я колотила по двери капсулы кулаками и даже пару раз пнула ее ногой. Но Лиза не отвечала. Я опоздала. Она уже Появилась, а я ведь не успела сказать ей самого главного. Тут дверь капсулы открылась, и на пороге возникла недовольная растрепанная Настя.

– Опять ты? Сейчас пожалуюсь Старшей по распорядку, что ты мне спать мешаешь! – И она дернула меня за волосы.

Стоп. Откуда здесь взялась Настя? Она же давным-давно Появилась. Но тут из-за ее спины выглянул мрачный тип, который присматривает за распределенцами. Я с ним встречалась всего пару раз, когда он забирал ребят из нашего Управления, а тут он был совсем близко, я отчетливо видела густые нахмуренные брови. А в руках он держал тот самый молоток, которым разбили Женькину капсулу. Он надвигался прямо на меня, покачиваясь на ходу из стороны в сторону...

И тут я проснулась. Никогда не видела таких кошмарных снов. Обычно мне снились мама с папой, в крайнем случае кто-нибудь из ребят или Старших... Наверное, все дело в том, что вечером я никак не могла уснуть. Легко сказать: «Я буду бороться за свою семью». А если я этой самой семье не нужна? А если я приду завтра возобновлять заявку, а меня опять кто-нибудь опередил? А если я назначу дату, буду ждать целый год, а что-нибудь не получится? И тогда мрач-

ный дядька с Распределения точно придет за мной...

Никогда еще я не выходила из капсулы поздно ночью. Было так темно, что даже соседнюю капсулу я разглядела с трудом. Только в Саду Появившихся горели огоньки. Я начала пробираться на этот свет, то и дело натыкаясь на кусты и скамейки около капсул. Стояла такая тишина, что мне второй раз за ночь стало страшно. В книжках часто можно встретить такие слова: «страшно», «весело», «грустно», «легко», «сложно»... Только пока всего этого не почувствуешь, не поймешь, что они значат. Оказывается, самое плохое в «страшно» – ты начинаешь вспоминать обо всем плохом сразу. Не знаю, чем меня напугала темнота, почти невидимые беседки, только бояться я стала всего. Что дата опять окажется неправильной. Что мама с папой меня вернут. Что они поссорятся и не будут больше жить вместе. Что мы с Лизой не найдемся после Рождения. Что с Ритой что-нибудь случится. Что меня распределят в совсем чужую семью. Что сейчас из темноты появится кто-нибудь...

Но вместо этого передо мной возникли капсулы с Появившимися. Однажды мы читали рассказ про мальчика, который поменял игрушечную машину на банку со светлячком. Наверное, эта банка выглядела как капсулы в Саду. Каждая из них горела теплым, золотистым светом. И каждый из Появившихся казался таким красивым в этом свечении. Я прошла между рядами и увидела Настю, болтавшуюся в капсуле. Никогда бы не подумала, что это скажу, но даже она сейчас

казалась хорошенькой... А Ритка с ее рыжими косичками...

Еще мне вспомнилось, как на Новый год папа принес домой большой стеклянный шарик. Мама встряхивала шар, и в нем начинал идти пушистый блестящий снег. Потом мама поставила шарик рядом с горящей свечой, и шар стал золотого цвета. Я еще немножко посмотрела на капсулы-шары. Страшно больше не было.

Глава 19

– Ты чего, Восьмёрка? – испугалась Лиза, когда я тихонько постучала в дверь, чтобы не будить ребят из соседних капсул. – Нам же нельзя выходить по ночам.

На кровати лежал включенный экранчик, и, кажется, Лиза смотрела на родителей, потому что оттуда доносились негромкие голоса.

– Мы должны придумать, как нам точно встретиться после Рождения, – сказала я, даже не переступив порог.

Лизка еще раз взглянула на экран и со вздохом нажала кнопку выключения.

– К маминому концерту готовятся, – пояснила она. – Мама репетирует, а папа ее платье отглаживает.

Я уселась на кровать и натянула одеяло до подбородка.

– Я сама об этом все время думаю. Мы знаем, что родимся в одном городе, раз все в одном Управлении оказались, а вот что дальше делать, чтобы друг друга узнать?

– Вот именно, – сказала я. – Мы же не зря здесь встретились и подружились. А теперь что – Родиться, тебя забыть и с какой-нибудь Настей дружить, потому что она в соседней квартире окажется?!

Я возмущенно тряхнула головой, и непослушные пряди волос начали лезть прямо в глаза, но под одеялом было так уютно, что не хотелось высовывать руки. Я начала усиленно

дуть на волосы, так что даже щеки заболели.

– Тебя точно не забудешь, Восьмёрка, – улыбнулась Лиза, глядя на мои старания. – Помнишь, что нам говорили на антропологии: «Не знал, да еще и забыл». Но мы-то друг друга знаем! Значит, вспоминать будет легче. Вообще, я думаю, что все не зря. И что есть еще много чего-то, чего мы совсем не знаем.

Я думала, Лизка сейчас опять начнет – книжки, учеба, конспекты...

– Мне кажется, Восьмёрка, что уже сейчас все совсем не зря. Есть что-то такое большое, общее и очень важное, что каждого из нас приводит к определенным событиям. Ну, то есть, может быть, кто-то уже заранее хотел, чтобы именно мы встретились и подружились.

– Ты хочешь сказать, что все вот эти из Управления следят за нами и специально все подстраивают? А мы на самом деле ничего не выбираем? – Я аж задохнулась от возмущения.

– Нет, не совсем так. Да и Управление здесь ни при чем. То есть при чем, конечно, это все связано. Но есть и еще что-то, что главнее.

Лизка тоже забралась на кровать и залезла под одеяло.

– Я сама не до конца понимаю. Ну вот подумай. Мы же откуда-то здесь взяли, познакомились, привыкли друг к другу. Теперь мне нужно Появиться у мамы с папой. Но мне грустно расставаться с тобой и с... другими тоже. Но это не значит, что когда я Появлюсь, наступит конец всему, что бы-

ло здесь. Потому что кто-то про нас с тобой знает. И знает, что нам важно встретиться и потом. Понимаешь?

Я понимала с трудом, только чувствовала, что есть что-то ободряющее в Лизкиных словах. Какая-то надежда и уверенность. А Лиза продолжала.

– Я постоянно об этом думаю в последнее время. И знаешь, что еще поняла. Вот мы думаем, что Распределение – это очень плохо. Конечно, мы выбираем родителей и уже любим их. Но вдруг мы этим родителям не нужны, а очень нужны каким-нибудь другим.

Я не выдержала:

– Как это не нужны, если они наши родители?! Как ты можешь быть не нужна маме?

– Я не знаю. – Лиза потерла лоб, от напряжения у нее даже побелели пальцы. – Но мне кажется, что все устроено так, как нужно.

Эта мысль мне совсем не понравилась.

– И что теперь? Совсем ничего не делать? А зачем тогда мы вообще что-то там выбираем, решаем, если кто-то знает, как лучше? А Женька? – У меня сорвался голос. – Женька – это что, тоже «лучше»?

Лиза долго смотрела куда-то в одну точку, а потом тихо сказала:

– Я спрашивала у Смотрителя. А он сказал, что каждый узнает целиком только свою историю, а все другие нам не дано знать изнутри. И еще добавил, что мы не знаем, что бы

ждало Женьку, если бы она Родилась. Я думаю, – Лизка еще сильнее натянула одеяло, укутавшись почти с головой, – что, может быть, ей где-то сейчас хорошо.

Я тоже залезла под одеяло с головой и спросила шепотом: – Лиза, помнишь, вы со Славой залезли в те файлы, которых в обычном Хранилище нету? Может, если мы побольше их почитаем, то лучше поймем, что к чему и что нам делать?

– Нет, – тоже шепотом ответила Лиза. – Я поняла, что лучше, наверное, этого не знать.

И я вспомнила, как на антропологии нам все время говорили: «Вы уже знаете очень много, теперь – думайте». Но думать сейчас совсем не хотелось. Я ужасно устала от этих важных и умных разговоров.

И мы с Лизкой стали просто лежать в темноте под одеялом, и она мне все рассказывала, как папа хотел помочь и чуть не прожег мамино концертное платье, а мама чуть не упала в обморок.

И уже совсем поздно ночью она рассказала мне про Сережу, как он ее всегда слушает, а она его. И как они читают вместе книжки и обсуждают их потом. И еще много чего – про маму Сережи, какая она хорошая, красивая и грустная, про кошку Мари, которая живет у родителей Лизы, и мама все гордилась, что она настоящая аристократка, а Мари взяла и вытащила из мусорного ведра объедки и разбросала по кухне. А я рассказывала, как еще давно, когда я могла смотреть на родителей через экранчик, бабушка пришла к нам

домой, чтобы помочь маме с уборкой, и аккуратно разложила все папины провода от компьютеров, так что у него там все перепуталось, а потом чтобы загладить свою вину, приготовила пирог с луком. А папа терпеть не может лук. И еще про Ритку, про нашу будущую собаку и про то, как я буду ее выгуливать. Может быть, даже с Ритой по очереди...

И так мы проговорили до самого утра, пока не заснули на Лизкиной кровати под одним одеялом.

Глава 20

Я привыкла спать всю ночь, поэтому утром проснулась с трудом, но все равно потихоньку встала, накинула на мирно спящую Лизку одеяло и побежала к своей капсуле, на ходу заглянув пожелать Рите доброго утра.

В такую рань в Управлении еще никого не было. Я уселась прямо на ступеньки и стала ждать.

Старшая по выбору удивилась, увидев меня на пороге, но она, кажется, не хотела показывать, что мы с ней как-то особенно знакомы, потому что только суховато сказала:

– Здравствуйте! Подождите немного, я вас вызову.

Пока я уже в третий раз сидела в этом коридорчике, дверь открылась и в нее робко заглянула незнакомая мне светловолосая девочка. Она уселась на другой край скамейки и стала теревить край пышной голубой юбки.

Старшая все не вызывала меня, и мы так и сидели молча, пока девочка вдруг не спросила:

– А как ты поймешь, что это твои родители?

Я даже растерялась.

– Я вообще-то уже поняла, какие родители мои, просто так получилось, что мне нужно выбрать их еще раз.

Девочка вздохнула и оторвала взгляд от пальцев, перебирающих юбку:

– Я послушала все лекции, знаю алгоритм, но так и не по-

няля, как же все-таки не ошибиться и выбрать правильных родителей.

Девочка была на кого-то очень похожа, только я никак не могла вспомнить, где ее видела. В этот момент открылась дверь, и Старшая объявила, что можно проходить в порядке очереди. Уже на пороге я вспомнила вчерашний разговор с Лизой и остановилась:

– Вот увидишь, все будет хорошо. Все равно все получится правильно и как нужно, даже если тебе кажется, что все идет не так!

Старшая по выбору что-то разглядывала на экране, щелкая клавиатурой:

– Слушаю вас.

Теперь она снова стала похожа на строгую учительницу, подругу мамы Елену Сергеевну, которая учит детей математике и всегда носит строгие прямоугольные очки.

– Я хотела бы сделать повторную заявку на родителей после неудачной попытки Появления, – сказала я, протягивая свой экранчик.

Она на секунду перестала печатать, но так и не посмотрела на меня. Мой экранчик пискнул, мигнул голубым светом, и через минуту Старшая вернула его.

– Ваша заявка принята. Ожидайте подтверждения в течение дня. Также у вас на руках находится личное досье выбранных родителей. Прошу сдать его и... второе тоже, пожалуйста, – добавила она, понизив голос.

Я все время крепко держала папки в руках, а потом, наконец, оставила их на скамейке перед кабинетом.

– Ой, подождите минутку! – Я выскочила в коридор.

Одна папка лежала на скамейке, а вторую держала девочка в голубой юбке. Вид у нее был странный.

– Это же нельзя! – шикнула я на нее, выхватив папку, и бегом вернулась в кабинет Старшей: – Возьмите, пожалуйста. И спасибо вам за всё.

Она наконец взглянула на меня:

– Желаю вам удачи.

Я хотела разобраться с этой девочкой в коридоре и объяснить ей, что нехорошо брать чужие вещи, но не успела открыть дверь, как она уже влетела в кабинет.

И я медленно пошла, боясь даже смотреть на экранчик, хотя знала, что еще слишком рано... И уже когда спустилась по лестнице, вдруг поняла, на кого так похожа моя новая знакомая...

К Управлению подтягивались другие ребята. А я второй раз за утро села на ступеньки и стала ждать.

Очень скоро передо мной мелькнули голубые оборки. Я не успела опомниться, как кто-то уже крепко обнимал меня.

– Спасибо тебе! Спасибо!

Девочка помчалась по дорожке, держа перед собой экран, потом остановилась и крикнула:

– Меня зовут Ангелина. А моих маму с папой – Алена и Вадим!

Я еще немножко посидела, глядя ей вслед, а когда встала, чтобы уходить, увидела в окне Старшую. Она улыбалась и махала мне рукой.

Глава 21

«Ты тоже тень, но глаз не отвести», – вот первое, что я услышала, когда второй раз в жизни экран издал мелодичное «дзинь» и выдал приложение «Родители». Горели свечи, на столе стояла красивая посуда, которую мама называла «свадебной» и доставала только по очень важным поводам. А еще звучала гитара. Мне сто раз приходилось слушать, как Лизина мама пиликает на своей скрипке (по-моему, это больше похоже на скрип избушки на курьих ножках, когда она поворачивается к лесу задом, но уж точно не на музыку), а вот гитару я услышала впервые. Она все время висела на стенке над диваном, и я понятия не имела, что папа может вот так здорово на ней играть. Да еще и петь! А мама сидела рядом, завернувшись в красно-зеленый плед, скрестив ноги, и тихонько покачивалась в такт музыке. Самое удивительное – даже папин ноутбук был выключен, а такого я, по-моему, вообще ни разу не видела.

Не знаю, что произошло, пока меня не было. Нет, конечно, у них и раньше бывали такие тихие вечера, когда они что-нибудь смотрели вместе, или просто разговаривали, или гуляли. Иногда к ним приходили друзья, тогда бывало шумно и весело. И я заметила, что при других людях папа чаще обнимает маму и как-то особенно на нее смотрит, а мама больше улыбается. Кстати, она вообще любит посмеяться. А когда

мама заболела, и ученики пришли ее навестить с яблоками и апельсинами, она стала казаться очень серьезной. Наверное, и в школе она такая. Сдержанно улыбается и хмурится, если кто-то из ребят расшумится. Правда, в следующую минуту чаще всего и сама начинает смеяться вместе с ними. Вообще мне показалось, что ученики ее очень любят. Я даже сердилась на них немножко за то, что они могут вот так запросто разговаривать с мамой каждый день.

Папа тем временем заиграл что-то очень быстрое, веселое, и под эту мелодию они с мамой стали выкрикивать поочередно:

– Агриппина!

– Ипполит!

– Аурелия!

– Иннокентий!

– Васисуалий!

– Господи, он вырастет, засудит нас и будет прав! – Мама вытирала слезы, которые выступили у нее от смеха.

– Увидим первый раз и сразу поймем, кто это. Сам нам подскажет, – сказал папа, откладывая в сторону гитару и нежно обнимая маму.

Праздничная посуда, свечи, мамины любимые хризантемы в вазе... «Долго соображаешь», – говорила мне Лиза.

Конечно, они знали!

И были так рады этому, что стали сами на себя не похожи. Только вот... Неужели они назовут Ритку Васисуалием?!

Глава 22

Все поменялось. Папа теперь вставал рано утром, и маме не приходилось будить его по десять раз до самого ухода на работу. Он шел на кухню и, напевая, готовил завтрак. «Снег не пойдет, ибо у нас его и так полно, а вот пустыня точно образуется», – говорила бабушка, которая теперь заходила очень часто и обязательно приносила бананы, орехи или еще что-нибудь вкусненькое. Но вообще она стала поглядывать на папу гораздо лучше и один раз даже притащила ему вязаную подушку для компьютерного кресла, чтобы «сидел как король».

Первые дни я вообще забыла обо всем и обо всех. Все время торчала в капсуле и ждала, пока экранчик позволит мне посмотреть, что там происходит у родителей. Было так здорово снова увидеть их квартиру, синие занавесочки на окнах, мамин кораблик на шкафу, маленькую елку, которая стояла на кухне в углу («Что уж теперь убирать, пусть стоит до следующего Нового года», – ворчала бабушка). И в доме теперь было так уютно, когда родители не ссорились и не молчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.